

Волков В.А., Борейко А.А.

К вопросу создания новой типологии революций

Волков Виталий Александрович

Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
 Профессор кафедры государственного и муниципального управления
 Доктор политических наук, профессор
 volkov-va@sziu.ranepa.ru

Борейко Андрей Андреевич

Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
 Соискатель
 aarongungnir@mail.ru

РЕФЕРАТ

Как и любой другой сложный феномен, «революция» меняется вместе с человеческой цивилизацией. Понимание многих политических процессов в современном мире становится возможным через понимание революционного феномена. Так, в начале XXI в. по миру прокатилась волна «цветных революций», а затем и «Арабская весна». Своей задачей мы видим создание рабочей типологии революций. Для этого мы воспользуемся теориями мир-системного анализа и культурной гегемонии.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

революция, культурная революция, типология, модернизация, «цветная революция», мир-система, культурная гегемония

Volkov V. A., Boreyko A. A.

On the Development of New Revolution Typology

Volkov Vitaly Aleksandrovich

North-West Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint-Petersburg, Russian Federation)
 Professor of the Chair of State and Municipal Management
 Doctor of Science (Political Science), Professor
 volkov-va@sziu.ranepa.ru

Boreyko Andrew Andreevich

North-West Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint-Petersburg, Russian Federation)
 Applicant
 aarongungnir@mail.ru

ABSTRACT

Revolution phenomena is changes through history of humanity. Understanding of different modern political processes become possible with revolution theory. At the beginning of the XXI c. in the world, a wave of «color revolutions» and then the «Arab Spring» took place. Our main task we see as the creation of a working revolution classification. We would use world-system theory and theory of cultural hegemony.

KEYWORDS

revolutions, Cultural Revolution, typology, modernization, color revolution, world-system theory, cultural hegemony

Для того чтобы понять природу ряда революционных процессов, которые происходят по всему миру вообще и на постсоветском пространстве в частности, необходимо проанализировать генезис этих событий. Пониманию «цветных» и прочих

современных революций должна способствовать качественная методология, демаркирующая одни типы от других. Для начала нам следует обратиться к общим положениям теории революции.

Определений термина «революция» существует довольно много. Отчасти это является и результатом того многообразия форм и содержания, присущего этому процессу. От первоначального астрономического значения «революция» проделала большой путь. Семантическая трансформация понятия революции, однако, не закончилась. С увеличением знаний все больше событий в прошлом и настоящем мы склоны именовать «революциями». Мы говорим о технической, культурной и каких-либо других революциях. Б. Капустин называет, например, реформы, проведенные в Японии в конце XIX в. и в Турции в начале XX в., «революциями сверху» [5, с. 6–31]. Этот список может быть продолжен за счет и более актуальных событий, например, — «культурная революция» в Китае. Кроме того, с появлением «цветных революций» произошло еще большее размывание феномена революции. Все это позволило Л. Бляхеру определить революцию как «блуждающую метафору» [1, с. 12–31]. Но пониманию многих процессов, прошлых и будущих, на постсоветском пространстве, может способствовать, в том числе, и создание типологии революций, в котором можно было проследить генезис этих процессов, включая «цветные революции».

С. Хантингтон определил революцию как: «Быструю, фундаментальную и насильственную, произведенную внутренними силами общества смену господствующих ценностей и мифов этого общества, его политических институтов, социальной структуры, руководства, правительственной деятельности и политики» [8, с. 268]. Данное определение является одним из самых распространенных. С. Хантингтон фокусирует свое внимание на политических последствиях революции. Но, что важно, он также отмечает смену ценностей и мифов. С нашей точки зрения, смена мифов и ценностей — культурный аспект, — является не последствиями революции, а скорее ее первопричиной. Идея смены культурных парадигм легла в основу предложенной нами типологии революций.

1) *Формационные революции*. Как общественно-политический феномен появились относительно недавно — в эпоху Нового времени. Сущность этих процессов заключалась в замене, частично или полностью, одного общественного строя другим в результате классовой борьбы. На смену обществу феодальному с сословно-представительной структурой приходит новое буржуазное общество. А. Токвиль отмечал, что именно Французская революция положила конец изжившему себя феодальному обществу [7]. Важно понимать, что формационные революции происходили преимущественно в европейских странах. Смена формации приводила к бурному росту капитализма. Итогом этих преобразований является появление современных европейских государств. Тем фундаментом, на котором стоят эти общества, являются политические идеалы либеральной демократии и экономические принципы рыночного капитализма. «Мир, в котором мы сейчас живем, то есть современная мир-система, зародился в XVI веке. Тогда мир-система занимала лишь часть земного шара, некоторые районы Европы и обеих Америк. Постепенно она росла и охватила всю планету. Современная мир-система есть и всегда была мироэкономикой. Она есть и всегда была капиталистической мироэкономикой» [3, с. 85]. И. Валлерстайн был одним из тех, кто предложил мир-системный подход к пониманию современного мира. Согласно Валлерстайну страны Западной Европы и Северной Америки являются ядром такой системы. На окраинах этой системы, на ее периферии, находятся страны, в нее включенные на зависимом положении. Отношения между ядром и периферией имеют характер доминирования и экспансии. Если изначально представлялось, что культурная неоднородность не является проблемой для ядра, то на данный момент становится ясно, что культурная гегемония позволяет плотнее вклю-

чать периферию в орбиту своего влияния. Новые страны интегрируются в эту мир-систему посредством революций иного типа, которые призваны радикально трансформировать существующую культурную парадигму.

2) *Цивилизационные революции*. Не все революции в прошлом были формационными. С. Кара-Мурза отмечает, что Октябрьская революция 1917 г. была альтернативой Февральской буржуазной революции, которая выводила Россию на путь, характерный для стран Западной Европы и Северной Америки [6, с. 31]. В этом случае Россия оказалась бы вовлечена в европейскую мир-систему в качестве страны периферии с господством иностранного капитала. Многие исследователи, например, К. Бринтон, отмечают, что одним из главных результатов Русской революции 1917 г. была индустриализация, которую начало и закончило большевистское правительство и на которую было не способно царское правительство [9, р. 254]. Однако в рамках мир-системного подхода главным достижением Русской революции было то, что она предложила альтернативный цивилизационный проект, и в результате Россия сама стала страной-ядром, центром советской цивилизации. Это позволило России не оказаться на периферии западной мир-системы и избавиться от господства иностранного капитала. Исторический опыт и мир-системная теория показывают, что повторение формационной стадии вхождения в капитализм с теми же условиями и итогами для неевропейских стран невозможен, поскольку капитализм уже существует, и существует как мировая система со своим лидирующим ядром.

3) *Культурная революция*. Согласно формационной теории революции К. Маркса, вслед за буржуазными революциями должна следовать коммунистическая революция В начале XX в. происходит осознание того, что классовое сознание рабочих не является достаточным фактором для дальнейших революционных преобразований европейских буржуазных обществ в социалистические. Это заставляет исследователей менять свое представление о феномене революции.

Одним из таких исследователей был А. Грамши, основатель и руководитель Итальянской коммунистической партии [4, с. 313]. Революция, согласно А. Грамши, должна являться результатом утраты культурной гегемонии государством и установления новой культурной гегемонии альтернативной силы. В атаке на «культурное ядро» ключевую роль играет интеллигенция. Таким образом, революция из социально-политического феномена превращается в феномен культурно-идеологический. Учение А. Грамши оказало сильное влияние как на общественную теорию, так и на политическую практику, но произошло это не сразу.

Процессы, происходившие в США в 60–70-х гг. XX в., П. Д. Бьюкенен определил как революцию социальную и культурную, изменившую лицо традиционной Америки. В этом он винит распространение идей А. Грамши, Д. Лукача, Т. Адорно, Г. Маркузе, Э. Фромма и др., которые привели к дехристианизации американского общества и деградации института семьи: «Культурная революция, напротив, была самой настоящей революцией. На трети территории страны молодежь отринула иудео-христианскую мораль. Враждебность молодых к „дедовской Америке“ одобралась нашей политической элитой; формируя общественное мнение через телевидение, кинематограф, театр, журналы и музыку, эти проповедники новой веры распространяли свое евангелие по всему миру и привлекали под свои знамена миллионы новообращенных» [2, с. 53]. При этом, левые так и не захватили власть в США. Культурная революция в США обошлась без насильственного захвата власти, но существенно трансформировала ее цивилизационный код.

«Культурная революция» может реализовываться «сверху» и «снизу». В первом случае речь идет об укреплении существующих культурных норм, за что выступают господствующие политические силы. Это не противоречит учению А. Грамши. В таком случае властные институты и провластная элита наносят удар по «альтернатив-

ным» идеям, укрепляя те идеи, которые способствуют сохранению их власти. Она характерна для стран, в которых до этого уже произошли значительные социальные и политические изменения. Примером «культурной революции» «сверху» могут служить события в Китае в 60–70-х гг. XX в. События в США могут пониматься как «культурная революция» «снизу», где начинает реализовываться альтернативный культурный проект от лица большинства, но поддерживаемый частью элиты.

Процессы размывания культурного ядра могут затягиваться на длительный по времени срок. Захвата власти как такового может и не быть. Происходит скорее коренная трансформация. Но кроме культурных революций-трансформаций в широком смысле слова существуют еще и культурные революции в узком значении — отвечающие определению «революции», предложенному в начале статьи, по С. Хантингтону. Здесь культурные революции могут выполнять функцию формационных революций, втягивая государства в периферию господствующих цивилизационных ядер. С точки зрения предложенной методологии революции в современном мире являются результатом столкновения мир-систем.

4а) *Либеральные Культурные революции.* К этому подтипу относится целый ряд событий, произошедший за несколько десятилетий. Это и «Бархатная революция» в Чехословакии 1989 г., и «цветные революции» на постсоветском пространстве в 2000-х, и события «Арабской весны». Наступивший после распада Советского Союза «конец истории» был воспринят как победа западной системы ценностей, т. е. западные культурные ориентиры стали осмысляться как безальтернативные. «Победа Запада, Западной идеи, прежде всего, стала свидетельством отсутствия системно жизнеспособных альтернатив Западному либерализму», — писал Ф. Фукуяма в 1989 г. [10, р. 3–18]

Различные революции стали механизмом интеграции стран в Западную мир систему, через подмену существующего (в каком-то смысле традиционалистского для этих стран) культурного ядра на новое, основанное на идеях либерализма и капитализма.

Рассмотрим чуть подробнее пример двух «цветных революций» на Украине. Президентские выборы, впервые в истории независимой Украины, были выборами между двумя проектами: Восточным и Западным. Первый представлял собой тесные связи с Россией и серьезное погружение в экономические и политические институты на постсоветском пространстве. Второй проект предполагал, по заверению лидеров «Оранжевой коалиции», вступление Украины в НАТО и Европейский союз, а также отказ от всего негативного, с чем ассоциировалось советское наследие. Советское наследие понималось и как коррумпированность, и неэффективность существующей политической системы, и как фундаментальное переосмысление роли России в Украинской истории. Хотя ни одна из сторон не утверждала западный или восточный путь как единственно возможный — они были готовы к сотрудничеству со всеми сторонами, — ценностные ориентиры были определены довольно четко. По результатам «Оранжевой революции» 2004 г. Украина не вошла в Западную мир-систему. Уже на следующих выборах победу одержал кандидат, представлявший восточный проект. Однако переход власти от представителей одной элитарной группировки к другой не может остановить процессы смены культурной парадигмы.

В 2014 г. в результате «Евромайдана» новые украинские власти взяли курс на интеграцию с Европой. Но траектория движения Украины в этом направлении отчетливо показывает иерархию Западной мир-системы. Если на Украине не произошло окончательной смены культурного ядра, то, на данный момент, отчетливо доминируют прозападные культурные ориентиры. Таким образом, Украина тяготеет к Западу, разрывая связи с Россией и всем тем, что символизирует советское наследие. Европейский союз готов отменить для украинцев визы. Готов ЕС и на

расширение экономических связей через механизмы ассоциированного членства. Однако Украину не готовы видеть ни полноправным членом ЕС, ни членом НАТО. Иными словами, Украина не получает равноправного членства в Западной мир-системе. Украина оказывается на периферии этой системы, как и вся Восточная Европа. Для существования Западной мир-системы необходимы источники самых разнообразных ресурсов, с одной стороны, а с другой — рынки сбыта. Сохранение формальных барьеров способствует распространению теневых схем использования дешевых человеческих и природных ресурсов. Наилучший способ привязать к себе периферию — это культурная и экономическая интеграция, не предполагающая вхождения в ядро.

4б) *Культурная консервативная революция.* Такой тип революций является негативной реакцией на модернизацию, в том числе и посредством революции. Это откат к традиционным ценностям, которые были распространены до вестернизации с попыткой сохранить свое цивилизационное ядро. Здесь примером может служить Иранская исламская революция 1979 г. В результате этой революции был отстранен от власти шах, придерживавшийся во внешней политике ориентации на США, а во внутренней — курса на вестернизацию. К власти пришли шиитские богословы, которые взяли курс на исламизацию страны. Такой тип революций смыкается с цивилизационными революциями.

Предложенная методология дает комплексное представление о феномене революции, разделяя при этом различные ее типы друг от друга. Различные типы революции представляются в рамках нашего подхода как этапы, следующие довольно последовательно. Генезис революции приводит нас от формационных революций, которые в современном мире попросту невозможны, к новым типам революционных процессов. Процессы смены власти на постсоветском пространстве, называемые «цветными революциями», как следствие, хорошо вписываются в предложенную типологию. При этом они становятся не просто новым типом революции, но закономерным этапом ее развития. «Цветные» революции, или как мы их называем «либеральные культурные революции», понимаются в рамках предложенной методологии не только как результат только внешних или только внутренних факторов, но как результат их совокупности. Такое комплексное понимание позволяет лучше понять природу этого феномена, как его истинных причин, так и последствий. В качестве причины «цветных революций» мы выделяем культурную экспансию, продиктованную необходимостью решения собственных витальных задач, доминирующей на данный момент Западной мир-системы. Но, как показывает опыт, это в определенной степени может приводить к реакции в виде культурных консервативных революций. Таким образом, эти революции являются неотъемлемой частью современного мира. Они с большей вероятностью будут происходить на стыке мир-систем, очерчивая контуры границ различных цивилизаций.

Литература

1. Бляхер Л. Революция как «блуждающая метафора»: семантика и прагматика революционного карнавала // Концепт «Революция» в современном политическом дискурсе / под ред Л. Е. Бляхера, Б. В. Межуева, А. В. Павлова. СПб. : Алетейя, 2008. С. 12–31.
2. Бьюкенен П. Дж. Смерть Запада. М. : АСТ, 2003.
3. Валлерстайн И. Мировой системный анализ. М. : Территория будущего, 2006.
4. Грэмши А. Избранные произведения в 3-х т. Т. 2. М. : Изд. иностранной литературы, 1957.
5. Капустин Б. О понятии «революция» // Революция как концепт и событие: монография. М. : ООО «ЦИУМИНЛ», 2015. С. 6–31.
6. Кара-Мурза С. Г. Правильная революция! М. : Эксмо : Алгоритм, 2010.
7. Токвиль А. Старый порядок и революция. СПб. : Алетейя, 2008.

8. Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. М. : Прогресс-Традиция, 2004.
9. Brinton C. *The anatomy of revolutions*. N. Y. : Vintage books, 1960.
10. Fukuyama F. *The End of History?* / *The National Interest*, Summer 1989. P. 3–18.

References

1. Blyakher L. *Revolution as "the wandering metaphor": semantics and pragmatics of a revolutionary carnival* [Revolutsiya kak «bluzhdayushchaya metafora»: semantika i pragmatika revolyutsionnogo karnavala] // Concept "Revolution" in a modern political discourse [Kontsept «Revolutsiya» v sovremennom politicheskom diskurse] / under the edition of L.E. Blyakher, B.V. Mezhuiev, A.V. Pavlov. SPb. : Aletheia, 2008. P. 12–31. (rus)
2. Buchanan P.J. *The Death of the West* [Smert' Zapada]: translation from English A. Bashkirov. M. : AST, 2003. (rus)
3. Wallerstein I. *World-Systems Analysis* [Mirostistemnyi analiz]: translation of N. Tyukina. M. : Territory of the future [Territoriya budushchego], 2006. (rus)
4. Gramsci A. *Chosen works* [Izbrannye proizvedeniya]: V. 2. M. : Publishing House Foreign literature [Izd. inostrannoi literatury], 1957. (rus)
5. Kapustin B. *About the concept "revolution"* [O ponyatii «revolyutsiya»] // Revolution as a concept and an event [Revolutsiya kak kontsept i sobytie]: monograph. M. : LLC Central publishing house of learning, methodical and scientific literature, 2015. P. 6–31. (rus)
6. Kara-Murza S.G. *Correct revolution!* [Pravil'naya revolyutsiya!]. M. : Eksmo : Algorithm, 2010. (rus)
7. Tocqueville A. *The Old regime and the Revolution* [Staryi poryadok i revolyutsiya]. SPb. : Aletheia, 2008. (rus)
8. Huntington S. *Political Order in Changing Societies* [Politicheskii poryadok v menyayushchikhsya obshchestvakh]. M. : Progress-Tradition, 2004. (rus)
9. Brinton C. *The anatomy of revolutions*. N. Y. : Vintage books, 1960.
10. Fukuyama F. *The End of History?* / *The National Interest*, Summer 1989. P. 3–18.